

Юлия Беринг

Морюшка
ЖЕСТОКОГО
НАСЛЕДНИКА.

Ты видел, кто сломал мне руку,
но заставил умолять!

Юлия Беринг

**Игрушка жестокого наследника.
Ты видел, кто сломал мне
руку, но заставил умолять!**

«Автор»

2026

Беринг Ю.

Игрушка жестокого наследника. Ты видел, кто сломал мне руку, но заставил умолять! / Ю. Беринг — «Автор», 2026

На прослушивании в элитной академии я не смогла спеть ни ноты.— Пустая оболочка! — бросил Марк Ковальский, жестокий сын декана, перед всем жюри. А потом богатая соперница подстроила моё падение в оркестровую яму. Сломанная рука. Больница. Потерянная стипендия. Марк показал мне запись, доказывающую мою невиновность.— Хочешь вернуться на сцену? Тогда будешь выполнять мои приказы! Он заставлял меня репетировать через боль, унижал и угрожал уничтожить карьеру. Но я узнала его тайну. После аварии Марк потерял свой певческий голос. И теперь хочет сделать меня своей заменой! Впереди решающее выступление. Я верну себе голос, разрушу его власть надо мной и заставлю всех услышать настоящую Алису!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Юлия Беринг

Игрушка жестокого наследника. Ты видел, кто сломал мне руку, но заставил умолять!

Глава 1

Сцена была залита светом так, что кожа начинала гореть.

Я стояла за кулисами главного зала Частной академии искусств «Мельпомена», вцепившись пальцами в холодный бархат занавеса. В висках стучало: «ты пустая оболочка, ты немая, ты никто». За дверью, отделяющей меня от жюри, сидел декан, моя заклятая врагиня Виктория и человек, чьё имя я боялась произносить вслух даже во сне — Марк Ковальский. Ассистент режиссера. Сын декана. Звезда, которая смотрела на всех остальных как на статистов в своем фильме.

— Следующая, Алиса Волкова, — голос секретаря прозвучал равнодушно, но для меня это был приговор.

Выход на сцену занял три секунды, которые казались вечностью. Свет ударил по глазам, ослепил. Я увидела ряды кресел, темные пятна лиц. Виктория сидела в первом ряду, идеально прямая спина, безупречная укладка, губы, изогнутые в вежливой улыбке хищника, ожидающего крови. Рядом с ней — Марк. Он не смотрел на меня. Он крутил в руках ручку, глядя куда-то поверх моей головы, в пустоту.

Сердце пропустило удар. Потом два. Потом начало бешено колотиться о ребра, словно пытаюсь выбить дверь изнутри.

«Начни», — шептал внутренний голос. «Ты готовилась месяцами. Ты знаешь каждую ноту».

Я открыла рот. Гортань свело спазмом. Воздух перестал поступать в легкие. Это было похоже на утопление в мелководном бассейне: вокруг тихо, светло, а кислорода нет. Тишина в зале стала физически ощутимой, тяжелой, давящей на уши. Она звучала громче любого крика.

Я попыталась выдавить первую фразу арии. Из горла вырвался хрип, сухой и жалкий, как звук ломающейся ветки.

Марк поднял голову. Его взгляд, серо-стальной, пронзил меня насквозь. Не злой. Оценивающий. Как хирург, который видит перед собой орган, бесполезный для трансплантации. Пустой. Мертвый.

Стук. Резкий, короткий удар чем-то тяжелым по столу жюри. Марк положил локоть на стол и наклонился вперед.

— Пустая оболочка, — бросил он, даже не пытаясь понизить голос.

Виктория улыбнулась шире. Теперь эта кличка принадлежала всему первому ряду.

— Продолжайте, мисс Волкова, — раздался голос декана. Усталый, раздраженный.

Я сглотнула. Ком в горле стал размером с кулак. Страх парализовал мышцы гортани, блокировал диафрагму. Тело предало разум. Я помнила текст, помнила мелодию, но связки отказывались вибрировать. Это была не нервозность. Это была блокада. Шрам прошлого, который я носила под кожей, наконец вскрылся, показывая всем свою грязную правду.

Виктория поправила прядь волос, не отрывая от меня насмешливого взгляда.

— Техническая несостоятельность, — произнесла она достаточно громко, чтобы услышал ближний ряд, но достаточно тихо, чтобы это звучало как частное мнение эксперта. — Видимо, некоторые приходят сюда за атмосферой, а не за результатом.

Горечь заполнила рот. Я хотела ответить. Хотела крикнуть, что я учусь здесь не ради атмосферы, а потому что это мой единственный шанс вырваться из той дыры, где я выросла. Но вместо слов я сделала поклон. Низкий, униженный, до самого пола.

И ушла.

Не оглядываясь. Потому что если бы я посмотрела назад, я бы увидела, как мир рушится. Стипендия слетает. Мечта о Бродвее превращается в фарс. А я остаюсь стоять посреди этого фарса, с открытым ртом, из которого не вылетает ни звука.

Дверь зала захлопнулась за моей спиной, и звук этот был похож на приговор. Я шла, не разбирая дороги, пока стук каблучков не стих в пустом переходе.

Коридор после прослушивания пах старой краской и чужими победами. Я шла быстро, почти бежала, стараясь не столкнуться ни с кем взглядом. Люди обходили меня стороной, как будто я была заразной. Или как будто я уже была ничем.

Поворот у лестницы чуть не стоил мне шеи.

Чья-то рука легла мне на плечо, останавливая. Жест был не грубым, но твердым, как стальная планка. Я вздрогнула и обернулась.

Марк.

Он стоял вплотную, нависая надо мной своей худощавой, но опасной фигурой. Черная водолазка подчеркивала бледность лица и резкость скуловых костей. В глазах не было злости. Там было любопытство исследователя, нашедшего странную игрушку.

— Почему ты не поешь? — спросил он. Голос низкий, хриплый, без интонации вопроса. Это было утверждение факта.

Я дернула плечом, высвобождаясь из его захвата.

— Прочь, Ковальский.

Он усмехнулся. Одна сторона рта. Холодная и презрительная.

— Ты боишься или ты фальшивка? Выбери один вариант, Алиса. Мне важно знать, стоит ли тратить время на то, чтобы понять, кто ты есть на самом деле.

Явность его интереса ударила сильнее оскорблений Виктории. Он видел меня. Не ту жалкую девчонку, которая молчала на сцене, а что-то другое. И это пугало до дрожи в коленях.

— Я не игрушка твоего эго, — процедила я, чувствуя, как ярость заменяет стыд. Ярость — это тепло. Ярость помогает дышать. — И я не фальшивка. Просто... иногда слова заканчиваются раньше, чем музыка.

Марк замолчал. Смотрел на меня так долго, что я начала чувствовать покалывание в кончиках пальцев. Затем он отвел взгляд, развернулся и пошел прочь, оставив меня одну в пустом коридоре, с бьющимся сердцем и ощущением, что только что прошла мимо пропасти.

Возвращаться в общежитие было страшнее, чем уходить от Марка. Я брела по знакомым коридорам, будто по чужому дому, и каждый шаг отдавался в горле тяжёлым комом.

Ночь в академии имеет свой запах. Пыль, дерево, одиночество.

Я не могла спать. Лежала в комнате общежития, слушая, как скрипят старые перекрытия, и ненавидела себя за слабость. Завтра утром комиссия объявит списки. Там не будет моего имени. А значит, не будет денег на общежитие в следующем семестре. Не будет будущего.

Натянув великоватую толстовку, я вышла в коридор. Лифт не работал (как всегда), пришлось спуститься по пожарной лестнице к главному концертному залу. Код служебного входа помнила наизусть: первые полгода обучения мыла здесь полы, чтобы оплатить курсы. Дверь поддавалась с тихим щелчком.

Зал был темным и огромным. Прожекторы были погашены, оставляя только слабое аварийное освещение над сценой. Пустые кресла казались рядами зубастых монстров.

Я вышла на середину сцены. Здесь было безопасно. Никто не смотрел. Никто не ждал.

Я закрыла глаза. Представила, что это не сцена, а душ в моем крохотном номере. Что нет жюри. Нет Виктории. Нет страха.

Первые ноты сорвались тихо, еле слышно. Вибрация голоса коснулась грудной клетки, заставив ее дрожать. Потом выше. Легче. Голос, который я прятала годами, вырывался наружу, очищаясь от шелухи неуверенности. Это была не та ария, которую я должна была петь днем. Это была песня боли. Моей личной, непрошенной, некрасивой боли.

Я пела о том, как хочется исчезнуть. О том, как тяжело быть видимой, когда внутри пусто. На последнем аккорде, когда тишина снова накрыла зал, раздался скрип двери.

Я резко обернулась. Сердце упало в пятки.

У колонны, в тени, стоял силуэт. Высокий, неподвижный. Марк.

Он не хлопнул. Не рассмеялся. Он просто стоял там, и его глаза в полумраке блестели, как осколки стекла.

Я попыталась убежать. Повернулась, чтобы броситься к боковому выходу, но он сделал шаг вперед, перегородив путь. Не агрессивно. Спокойно. Как стена.

— Стой, — сказал он. Одно слово. Без приказа. Просто констатация реальности.

Я замерла, ожидая насмешки. Ожидая, что сейчас он скажет: «Вот так можно петь дома, но на сцене ты все еще ничтожество».

Но Марк подошел ближе. Так близко, что я чувствовала запах его кожи — табак, холодный воздух и что-то еще, металлическое и тревожное.

— Это было настоящее, — произнес он тихо. В его голосе не было восхищения. Было обвинение. — Почему ты прячешь это от них?

Я слотнула ком в горле.

— Они не хотят это видеть. Им нужна гладкая картинка. Красивая девочка, которая хорошо учится.

— Им нужна правда, — перебил он. — А ты им продаешь страх.

Его руки оказались на моих плечах. Не для поддержки. Для фиксации. Чтобы я не могла отвернуться.

— Я знаю, как достать эту правду из тебя, Алиса. Но это будет больно. Очень больно.

— Зачем тебе это? — спросила я, чувствуя, как его пальцы впиваются в ткань толстовки. — Ты же назвал меня пустой оболочкой.

Марк склонился ниже. Его лицо было в нескольких сантиметрах от моего. Я видела мелкие шрамы на его брови, темные круги под глазами.

— Оболочка может быть разбита. Или наполнена. Выбор за тобой.

Он отпустил меня и сделал шаг назад. Достал из кармана сложенный лист бумаги и положил его на крышку старого рояля, стоявшего у края сцены.

— Расписание свободных часов зала. Ночи. Ранние утра. Когда никого нет.

Он повернулся к выходу, затем остановился, не оборачиваясь.

— Когда будешь готова перестать врать себе, приходи сюда. Я буду ждать. И поверь мне, я умею ждать.

Дверь скрипнула и закрылась. Оставив меня одну в темноте, с гулом в голове и листком бумаги, который лежал на крышке рояля, словно вызов на дуэль.

Я подошла к инструменту. Пальцы дрожали, но не от холода. От предчувствия.

Марк не предлагал помощь. Он предлагал сделку с дьяволом. Единственное, что могло спасти мою карьеру, — стать ближе к человеку, который только что публично уничтожил меня. И самое страшное заключалось в том, что часть меня, та, что пела в темноте, уже тянулась к этому листку бумаги.

Я взяла расписание. Чернила пахли свежестью.

Внизу страницы, крупным почерком, было написано: «Приходи в 04:00. Не опаздывай. Опоздание означает конец».

Это не было приглашением. Это была ловушка. И я знала, что прыгну в нее сама.

Глава 2

В четыре утра я пришла по его расписанию в зал №3. Мир сузился до размера моей ладони, сжимающей холодный металл ручки двери. Репетиционный зал №3 пах пылью, старым бархатом и чьим-то несбывшимся величием. Здесь было темно. Не той уютной темнотой, под которой можно спрятаться от родителей, а густой, вязкой чернотой, в которой тонут собственные ошибки.

Я вошла. Шаги гулко ударили по паркету, эхом разлетевшись по пустому помещению. Зеркало на дальней стене отражало не меня, а чужую девочку: с растрепанными волосами, красными глазами и губами, которые дрожали так сильно, что я боялась их прикусить.

«Пустая оболочка».

Голос Марка звучал в голове, как запись на испорченной кассете. Хриплый, уверенный, безжалостный. Он произнес это так легко, будто вытирал пыль с полки. А я стояла там, на сцене, перед жюри из пяти человек, и чувствовала, как внутри меня всё рушится, превращаясь в пепел. Я помнила текст. Но не смогла выдать ни слова. Просто... выключилась. Как будто мой мозг решил, что лучше умереть, чем продолжить унижаться.

Подошла к роялю. Черные клавиши смотрели на меня осуждающе. Пальцы холодели, тело отказывалось слушаться — мышцы сводило судорогой стыда. Я открыла рот, чтобы пропеть первую строчку любимой арии, той самой, которую репетировала месяцами.

Звук сорвался на шепот. Жалкий, писклявый, чужой.

Ненависть вспыхнула в груди горячим факелом. Я ударила кулаком по крышке рояля. Глухо, больно. Костяшки горели огнем. Эта боль перебила панику. Хорошо. Пусть будет боль. Боль честная, а страх — трусливый.

— Ты никто, — прошипела своему отражению в зеркале. — Ты ничего не стоишь.

Слёзы текли по щекам, соленые и горячие. Вспышка памяти: Марк смотрит поверх очков, его лицо каменное, а глаза... глаза живые. Голодные. Он видит меня. Видит ту дыру внутри, которую я годами замазывала улыбками и тихим голосом.

— Пустая оболочка, — повторила я вслух, пробуя слова на вкус. Горькие, как желчь.

Но тут память унесла меня дальше. Не в зал прослушивания, а в прошлое. В детдомовскую комнату, где было шесть кроватей и одна общая ванная. Мама тогда надолго попала в больницу, а забрать меня было некому. Она вернулась за мной, когда смогла работать, но я так и не научилась верить, что родных больше не отнимут. В той комнате маленькая Алиса, семь лет, пряталась за шторкой и пела в ладоши, чтобы заглушить крики взрослых внизу. Тогда ей было страшно. Но песня была её щитом. Её мечом. Её единственной собственностью.

Я перестала плакать. Глубоко вдохнула воздух, наполненный запахом старой древесины. И запела. Не для жюри. Не для декана. Для той девочки за шторкой.

Голос вышел тихим, почти интимным, вибрирующим в грудной клетке. Никакого напора. Никакой попытки впечатлить. Только правда. Чистая, сырая, обнаженная правда. Странная магия: чем тише я пела, тем громче становилось внутри. Мурашки поползли по рукам, но не от страха. От узнавания.

Я закрыла глаза, отдавшись потоку звука. Мир исчез. Остались только ноты, моя кровь и этот холодный зал.

И тогда скрипнула дверь.

Резкий, металлический звук разрезал мою мелодию, как нож масло. Я оборвала фразу на середине, сердце ухнуло в пятки. Тишина стала осязаемой, давящей на уши. Кто-то вошел.

Страх мгновенно сменил трепет. Меня поймали. В момент слабости. В момент, когда я была не «студенткой академии», а просто сломанной игрушкой. Сейчас раздастся смех. Или презрительное хмыканье. Или худшее — равнодушие.

Я не обернулась. Сжала челюсти так, что заныли зубы, ожидая удара словами.

Шаги. Мягкие, уверенные, приближающиеся к роялю. Не торопливые. Не крадущиеся. Хозяйские.

Тишина затянулась. Никто не смеялся. Никто не хлопнул в ладоши с иронией. Только ритмичное постукивание кожаных подошв по паркету, затихшее в паре метров от меня.

— Продолжай.

Голос низкий, бархатный, но со стальным стержнем внутри. Я вздрогнула всем телом. Медленно повернула голову.

Марк стоял у края сцены, опираясь плечом о колонну. Темный силуэт в луче аварийного освещения, пробивающегося из коридора через щель в дверях. Его руки были скрещены на груди. Выражения лица я не могла разобрать, но глаза... они сияли в полумраке. Не злобой. А голодом. Диким, ненасытным интересом исследователя, который нашел редкую бабочку и теперь боится, что она умрет, если он моргнет.

— Ты слышал? — мой голос дрогнул, предательски выдавая страх.

— Каждое слово. Каждую ноту.

Он сделал шаг ближе. Его запах ударил мне в нос: дорогой табак, морозный воздух и немного кофеина. Смесь, которая раньше казалась токсичной, сейчас кружила голову.

— Иди сюда, — приказал он. Не просьба. Приказ.

— Нет.

Я схватила свою сумку, прижимая её к груди, как щит. Инстинкт самосохранения орал: беги. Этот человек опасен. Он только что публично уничтожил тебя, а теперь хочет добить в приватной обстановке? Зачем ему это? Чтобы посмеяться над тем, как ты плачешь?

— Ты не можешь уйти, пока я не закончу разговор.

Марк перегородил путь к выходу. Он был выше меня на голову, шире в плечах. Его присутствие заполнило весь зал, вытеснив кислород. Я попыталась проскользнуть мимо него, но он даже не сдвинулся с места. Просто повернул голову, следя за мной взглядом хищника, который знает, что жертва никуда не денется.

— Почему ты здесь? — спросила я, чувствуя, как колотится висок. — Ты же меня возненавидел. Назвал пустой оболочкой.

Уголок его рта дернулся. Почти улыбка. Почти.

— Я сказал правду о том, что показалось на сцене. Там была ты. Застенчивая, зажатая, полная страха ученица. Пустая оболочка, потому что внутри был только страх.

Он сделал еще один шаг. Теперь мы были буквально в шаге друг от друга. Я видела мелкие шрамы на его подбородке, серые искорки в радужке глаз.

— А вот это... — он обвел рукой пространство вокруг меня, указывая на рояль, — это не ты. Это кто-то другой. Кто-то, кто умеет дышать музыкой.

Мои ноги стали ватными.

— Ты шпионил за мной? — шепнула я, чувствуя прилив ярости, смешанной с чем-то другим, более теплым и опасным.

— Я снова услышал твой голос из коридора, — ответил Марк ровно. — И обнаружил, что источник — девушка, которую я вчера списал.

Его близость давила. Я могла бы толкнуть его, пробежать мимо, выбежать в коридор. Но я не двигалась. Потому что впервые за много лет кто-то не смеялся надо мной. Кто-то слушал. По-настоящему слушал.

— Мне нужно идти, — сказала я, но голос сорвался.

— Тебе нужно вернуться, — поправил он. — Завтра. В восемь утра. Здесь.

— Зачем?

Марк достал из внутреннего кармана куртки визитку. Белая картонка с тиснением золотом. Он положил её на крышку рояля, рядом с моими дрожащими пальцами.

— Потому что ты хочешь доказать им всем, что ошиблись. И я хочу посмотреть, действительно ли ты способна на это. Или это был случайный сбой системы.

— Ты предлагаешь сделку? — усмехнулась я горько. — С кем? С мальчиком, который считает себя богом этой академии?

— С человеком, который может научить тебя не бояться собственного голоса, — парировал он. — Я буду учить тебя без страховки и без пощады. Если согласишься — завтра в восемь. Если нет — забудь о мюзикле навсегда. Твоя стипендия уже под вопросом после вчерашнего позора. Декан не любит ошибок.

Сердце пропустило удар. Стипендия. Моя жизнь. Мой единственный шанс вырваться из грязи прошлого. Он бил точно в цель. Подлость или расчетливость? Или и то, и другое?

Я посмотрела на визитку. Потом на его лицо. На его губы, которые всегда складывались в насмешливую линию. На глаза, которые сегодня выглядели... уставшими? Тревожными?

— Почему ты это делаешь? — спросила я тихо. — Почему тебе вообще есть дело до меня?

Марк замер. На секунду маска высокомерия треснула. Под ней мелькнуло что-то темное, глубокое, полное боли. Но она исчезла так быстро, что мне показалось, я придумала.

— Потому что ты звучишь лучше, когда думаешь, что никто не смотрит, — сказал он, отвернувшись к окну. — А мне нравится слушать музыку. Даже если она исходит от пустой оболочки.

Он ушел. Быстро, не оглядываясь. Дверь захлопнулась с тяжелым стуком, оставив меня одну в темноте.

Я стояла неподвижно несколько минут, слушая, как стихают его шаги в коридоре. Потом медленно опустилась на скамейку рояля. Руки все еще дрожали, но теперь от напряжения, а не от страха.

На полу, там, где стоял Марк, лежала папка. Черная, потертая на углах. Он забыл её? Или оставил специально?

Я подхватила её. Внутри были ноты. Рукописные. Почерк Марка — угловатый, резкий, с характерными завитушками. Это была партитура арии с прослушивания, а не песни, которую я пела прошлой ночью. Но она была изменена. Многократно. Исправлена. Переработана.

Я перевернула страницу. В углу, крупными буквами, было написано карандашом: «Её диапазон выше моего. Идеально.»

Ниже, мелким шрифтом, почти неразборчиво: «Не дай ей сломаться. Пока.»

Папка выпала из моих рук, хлопнув по полу.

Я смотрела на его почерк. За несколько часов после нашей ночной встречи он успел дописать эти пометки на старой партитуре. «Выше моего». Значит, когда-то он тоже пел эту арию? Почему теперь только слушал? Я подняла папку с пола: вопросы придется задать ему самому.

Глава 3

Запах лака для волос и старой пыли ударил в нос, стоило мне переступить порог театрального зала. Сердце колотилось так, что я боялась — его услышит даже микрофонная стойка, торчащая посреди сцены как ржавый скелет. После короткой утренней работы с Марком я пришла на общую репетицию за одним: дожить до конца без нового позора. Просто не дышать. Не смотреть. Быть тенью.

Но тени здесь не нужны. Здесь нужны жертвы.

— Алиса! — голос Виктории звенел, как хрустальный бокал, разбитый о стену. Она стояла у кулис, поправляя идеально ровную чёлку. Вокруг неё кружилась свита: три девушки и два парня, которые смеялись над каждой её шуткой, даже когда она была плоской. — Ты выглядишь... уставшей. Партнёр для танцевальной связки нужен сильный, а ты всё время спотыкаешься на ровном месте. Давай я подберу тебе кого-нибудь? Например, Петю. Он терпеливый. Ему не жалко.

Смешки вокруг стали громче. Петя, здоровенный парень с лицом доброго пса, виновато отвел глаза.

Я жала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

— Спасибо, Вика, но у меня есть партнёр, — мой голос дрогнул, и я ненавидела себя за это. — Мы справимся сами.

Виктория закатила глаза, будто увидела самое смешное зрелище года.

— Ой, прости. Я забыла, что «неудачницы» гордые. Это же так мило. Но если снова упадёшь, пожалуйста, не трогай моё платье. Оно стоит больше, чем твоя стипендия.

Она отвернулась, и её компания тут же рассыпалась, обсуждая мою «высокомерную неловкость». Я стояла посреди зала, чувствуя себя голой перед толпой хищников. Хотелось провалиться сквозь пол. Или исчезнуть.

Шаги за спиной были тяжелыми, размеренными. Марк.

Он не посмотрел на Викторию. Его серые глаза, холодные, как январское небо, остановились на мне. В них не было ни сочувствия, ни насмешки. Только профессиональный интерес к сломанному инструменту.

— Позиция семь, — бросил он сухо. — На коленях. Голову ниже. Нам нужен эффект падения, а ты стоишь как столб.

— Марк, мы можем использовать подставку... — начала я, но он перебил меня жестом руки.

— Я сказал: на колени. Если хочешь роль, научись падать красиво. Иначе ты просто мусор на сцене.

Унижение обжигало изнутри. Но страх быть вычеркнутой окончательно был сильнее. Я медленно опустилась на пол, чувствуя, как ткань джинсов стирается о потертый линолеум. Колени закричали. Спина болела от напряжения. Я смотрела вниз, на свои грязные кеды, и пыталась не плакать.

Именно тогда я почувствовала движение сбоку. Тихий щелчок металла.

Я подняла взгляд. Виктория стояла рядом с микрофонной стойкой, которая возвышалась прямо надо мной. Она делала вид, что проверяет кабель, но её пальцы ловко крутили винт крепления основания. Казалось, она просто поправляет реквизит. Но я видела, как стойка слегка покачнулась, потеряв опору.

«Не дыши», — шепнул внутренний голос.

В этот момент из темного угла вышел Денис. Звукорежиссер старшекурсник, спокойный и надежный, как скала. Он проследил за руками Виктории, нахмурился и шагнул к стойке.

— Не трогай её, Алиса. Сейчас закреплю. И со светом что-то не то...

Из будки его окликнули: пропал звук. Денис на секунду обернулся к пульта.

Его предупреждение было мягким, почти заботливым, но оно лишь добавило масла в огонь моей паники. Руки затряслись. Текст выпал из головы. Я забыла слова первого куплета, заученного наизусть за ночь.

— Тишина! — крикнул режиссер из будки. — Начинаем! Свет!

Мир рухнул в темноту.

Резкий переход света вызвал у меня дезориентацию. Я инстинктивно вскочила с колен и шагнула вперед, забыв, что метка седьмой позиции находится у открытой оркестровой ямы. Подошва кеда зацепилась за неровность пола. Я потеряла баланс, машинально схватившись за ближайший предмет поддержки.

Микрофонная стойка.

Тонкий металл поддался мгновенно. Крепление сорвалось с ослабленного винта. Стойка повалилась на меня всей своей тяжестью. Удар пришелся по плечу, затем рука ушла вниз, цепляясь за край сцены. Я полетела с края сцены вниз, на твердый бетон оркестровой ямы.

Боль была не сразу. Сначала — гул в ушах, запах пыли и чьего-то дорогого парфюма. Потом — огненный всплеск в предплечье. Кричать не получалось, воздух застрял в горле комком.

Аварийный свет мигнул, заливая зал красным мертвенным сиянием.

Над мной нависла фигура Виктории. Её лицо выражало абсолютный, театральный шок.

— Боже мой! — вскрикнула она, прикрыв рот рукой. — Она сама толкнула стойку! Я же говорила, она неаккуратная! Алкоголь? Наркотики? Что с ней?

Толпа студентов хлынула к краю сцены. Шепот превращался в гвалт.

— Разве можно так падать?

— Она же новичок, ей место в гардеробе, а не на сцене.

— Виктория права, это небрежность.

Я лежала, свернувшись в клубок, пытаюсь понять, жива ли моя рука. Она висела плетью. Каждый вдох отдавался тупой ноющей болью.

Денис уже спускался ко мне по боковой лестнице, крикнув, чтобы вызвали скорую. Марк появился у края ямы; он шел спокойно, как всегда, но его лицо было каменным. Он посмотрел на стойку, лежащую рядом со мной, затем на мою искаженную руку. Никакого сострадания. Никакой помощи.

— Техника безопасности нарушена, — произнес он ровно, достаточно громко, чтобы слышали все. — Прослушивание для тебя окончено, Алиса. Ты не можешь работать в таком состоянии. Это риск для проекта.

— Это... это случайность... — прохрипела я, указывая дрожащей правой рукой на стойку. — Она была расшатана...

Марк отмахнулся, словно я просила мелочь.

— Извинения после падения не спасают карьеру. Пусть врач решит, можно ли её переносить. И уберите этот хлам.

Он отвернулся. Его спина стала последней стеной между мной и миром. Холодная констатация факта разрушила всё, во что я верила последние сутки. Я была не жертвой обстоятельств. Я была бракованным товаром.

Меня увезли ещё до темноты. Сирена скользила над городом, а я лежала на носилках, смотрела в потолок машины и думала, что спина Марка — последнее, что я увидела, прежде чем мир снова погас.

Больница пахла антисептиком и отчаянием. Гипс на руке весил тонну. Каждое движение причиняло острую боль, но эмоциональная пустота была страшнее физического страдания.

Через два часа мне позвонили из кабинета декана. На экране телефона рядом с ним сидела Виктория. Она пила кофе из фарфоровой чашки, держа спину идеально прямо, с выра-

жением ангельской невинности на лице. Декан, седой мужчина с усталыми глазами, перебирал бумаги.

— Алиса, слушай внимательно.

Я села на больничной койке, придерживая гипс здоровой рукой.

— Инцидент на репетиции расследован. По заключению комиссии, причиной стало нарушение техники безопасности со стороны студентки Волковой. Твои действия поставили под угрозу жизнь других участников и целостность оборудования.

— Но я не трогала стойку специально! — взмолилась я. — Она упала сама! Виктория могла бы подтвердить...

Виктория мягко улыбнулась.

— Я подтвердила то, что видела, дорогая. Ты была невнимательна. Мама очень обеспокоена. Такие инциденты портят репутацию нашего колледжа перед спонсорами. Лучше уйти красиво, чем быть выгнанной за небрежность.

Декан кивнул.

— Стипендия приостановлена до выяснения всех обстоятельств. Доступ к экзаменам закрыт. Тебе нужно взять академический отпуск. Или перевестись. Решение за тобой.

Мир сузился до точки. Стипендия. Экзамены. Будущее. Всё рухнуло. Я была не просто неудачницей. Я была никем. Социальное дно академии приняло меня с распростертыми объятиями унижения.

После звонка я вышла в больничный коридор, шатаясь. Слезы жгли глаза, но я не позволяла им литься. Нужно было держаться. Хотя бы для того, чтобы найти выход.

В коридоре меня ждал Марк. Он прислонился к стене, скрестив руки на груди. Его куртка пахла табаком и дорогим одеколоном. Я ожидала насмешки. Или презрения. Или простого «иди отсюда».

Вместо этого он молча протянул мне свой телефон.

Экран показывал видео с камер наблюдения из репетиционного зала. Качество было высоким. Я видела себя, падающую на колени. Видела стойку. И видела крупный план рук Виктории. Она крутила винт. Медленно, уверенно, с усмешкой на губах. Затем кадр смещался на то, как она отходит, и через секунду гаснет свет. А потом — её крик: «Она сама!»

Голова закружилась. Доказательства. Настоящие доказательства.

Марк наклонился ближе. Его голос был тихим, почти интимным, несмотря на шум проходящих мимо людей.

— Я не вмешался тогда, Алиса. Мог хотя бы не подыгрывать им, но выбрал удобную версию. Система требует виноватого, и система выбрала тебя. Но теперь у меня есть запись. И мне нужна твоя помощь, чтобы её использовать.

Я посмотрела ему в глаза. Там не было жалости. Там был голод. Голод хищника, который наконец-то загнал добычу в угол. Он использовал меня. Он наблюдал. Он ждал момента, когда я буду настолько слаба, чтобы согласиться на любую сделку.

— Какую помощь? — спросила я, чувствуя, как холодок пробегает по спине.

Марк убрал телефон в карман.

— Восстановление имени. И возвращение на сцену. Но условия диктую я.

Он повернулся и пошел прочь, оставив меня стоять в пустом коридоре с одной рукой в гипсе и вторым шансом, который пах серой и опасностью.

Я поняла одну вещь: сделка с дьяволом — единственный способ вернуть себе голос. А цена? Мне еще предстояло узнать.

Глава 4

На третий день палата №12 всё ещё пахла хлоркой и чужой безысходностью. Это был запах, который я запомню навсегда: смесь антисептика, старого линолеума и моего собственного унижения.

Мне нужно было уйти. Прямо сейчас. Не завтра, не когда срастется кость, а сегодня. Я видела лицо матери в мысленном отражении больничной стены — она уже считала деньги до зарплаты, уже зажимала рот, чтобы не плакать при мне. Если я останусь здесь еще на одну ночь, стипендия окончательно испарится, как пар над спиртовкой. А если я вернусь в общежитие с гипсом на левой руке, меня вышвырнут из академии быстрее, чем Виктория успеет допить свой латте.

— Девушка, вам нельзя вставать, — голос медсестры звучал глухо, будто из-под воды. Она стояла у двери, скрестив руки на груди, как тюремный надзиратель.

Я игнорировала её. Боль была вторична. Первичным был стыд. Тот самый липкий, обжигающий стыд, который оставляет ожоги на внутренней стороне век. После утреннего обезболивающего меня клонило в сон, но я оттолкнулась от подушки здоровой рукой, напрягла пресс, пытаясь перенести вес тела на ноги. Ступни коснулись холодного пола, и мир качнулся. В голове взорвалась белая вспышка, отдающая в виски тупым пульсирующим ударом. Гипс тянул вниз, как якорь, привязанный к мертвецу.

— Алиса! — крик медсестры оборвался на полувдохе.

Я рухнула обратно на койку. Не аккуратно, не красиво. Как мешок с картошкой. Спина ударила о матрас так, что зубы клацнули. Воздух вышел из легких, и я захлебнулась собственным стоном.

Я лежала, глядя в потолок с трещиной в углу, и понимала простую, звериную истину: я беспомощна. Система, которую я ненавидела всем сердцем, только что сломала мне руку и выбила почву из-под ног. Мне некуда идти. На такси не хватит денег, сумку я не уташу, а на ошибку у меня больше нет права. Я — вещь, которую забыли на складе.

Дверь скрипнула. Не открылась резко, а мягко поддалась внутрь.

В палату вошел Денис. Он выглядел уставшим, его темные волосы были слегка растрепаны, а в руках он держал пластиковый стаканчик с водой. На нем был все тот же растянутый свитер цвета хаки, который он носил третий день подряд.

— Ты не должна быть одна, — тихо сказал он, подходя ближе. Его глаза, серые и добрые, смотрели на меня без жалости, но с тем самым выражением «я всё знаю», которое бесило больше всего. — Виктория уже начала распускать слухи. Она говорит, что ты сама толкнула стойку, потому что ревновала Марка. Декан верит ей. Но я... я видел, как ты тренировалась ночью. Я верю тебе, Алиса.

Его слова должны были согревать. Должны были стать бальзамом на мои раны. Но вместо этого они вызвали тошноту. Густую, тяжелую волну отвращения, поднимающуюся из желудка. «Верю тебе.» Что это значит? Что я жертва? Что я бедная, несчастная девочка, которой нужен защитник?

Он протянул стакан. Пальцы дрожали. Я видела, как он хочет помочь, как он готов взять на себя часть моей боли. И это было невыносимо. Его доброта подчеркивала мою слабость. Пока он стоит здесь с водой, я остаюсь той самой «пустой оболочкой», которую называл Марк. Мне не нужна помощь. Мне нужно оружие.

— Уходи, — прошептала я.

— Что? — Денис замер.

— Уходи, Денис! — рявкнула я, чувствуя, как горло дергается от напряжения. Я махнула здоровой рукой, чуть не задев его по лицу. — Мне не нужны твои соболезнования. Мне не нужно, чтобы ты жалел меня. Выметайся.

Он побледнел. Пластиковый стакан смялся в его пальцах, вода капнула на линолеум. Он открыл рот, чтобы сказать что-то еще, может быть, извиниться, может быть, объяснить. Но я отвернулась к стене, натянув одеяло до самого носа.

Тишина повисла густая, как смола. Через минуту послышались удаляющиеся шаги, затем — тихий щелчок выключателя и закрытие двери.

Я осталась одна. Абсолютно, тотально одна. И впервые за три дня дышать стало легче. Одиночество было холодным, но честным. Оно не требовало благодарности.

Дверь распахнулась с силой, от которой дребезгнули стекла в шкафу.

На пороге стоял Марк.

Он не постучал. Не поздоровался. Даже не посмотрел на меня сразу. Его взгляд скользил по палате, оценивая обстановку: стерильность кушетки, бледность стен, количество цветов (ноль), степень запущенности пациента. Он выглядел так, будто режиссер осматривает декорации перед генеральной репетицией. Или судья, изучающий место преступления.

Сердце пропустило удар, потом заколотилось где-то в горле. Инстинкт закричал: «опасность». Тело само собой дернулось назад, и я натянула одеяло выше подбородка, закрываясь от него, от его взгляда, от того момента на прослушивании, когда он уничтожил меня одним словом.

Марк шагнул внутрь. Дверь закрылась за ним автоматически, отсекая шум коридора. В комнате стало душно, хотя кондиционер работал на полную мощность.

Он обошел кровать, не глядя на меня, и остановился у тумбочки. Его пальцы, длинные и бледные, ловко положили туда маленький предмет. Флешку. Черную, блестящую, как глаз змеи.

— Подними голову, — приказал он. Голос был низким, бархатным, но с металлическим оттенком жесткости.

Я медленно опустила ткань. Марк сидел на краю кровати, нарушая все нормы этикета и личного пространства. Он был слишком близко. Я чувствовала запах его парфюма — что-то древесное, дорогое и резкое, перебивавшее хлорку.

— Ты пришла сюда, чтобы умереть? — спросил он, кивнув на флешку.

— Зачем ты здесь? — мой голос дрожал. Я ненавидела себя за это дрожание.

Марк усмехнулся. Это была не улыбка человека, а оскал хищника, обнаружившего раненого зверя. Он достал телефон и включил запись через встроенный динамик.

Звук заполнил палату. Сначала — тишина репетиции. Потом — шорох подошв. Громкий скрежет металла. Щелчок выключателя, затем отчетливый удар микрофонной стойки о пол. И мой собственный крик, искаженный страхом и болью. И голос Виктории, полный злобного удовлетворения, шепчущей: «Неудачница».

Кровь отхлынула от лица. Я хотела вырвать телефон из его рук, разбить этот адский аппарат об стену.

— Это доказательство, — прошептала я, задыхаясь. — Отдай его декану. Отдай полиции. Почему ты не сделал этого раньше?

Марк выключил звук. При последних хрипах на записи его пальцы сжались у собственного горла; он опустил руку, едва заметив мой взгляд. Тишина стала оглушающей.

— Потому что доказательства, которые падают с неба, никто не читает, — ответил он холодно. — Их используют для шантажа или бросают в мусорку. Этот файл — не подарок, Алиса. Это твой билет в ад, если ты им неправильно расправишься.

Он положил телефон обратно в карман куртки и посмотрел мне прямо в глаза. В этих глазах не было ни жалости, ни интереса к моей судьбе. Был только расчет.

— Я предлагаю сделку.

Я моргнула. Мир вокруг покачнулся.

— Какую сделку?

— Месяц, — сказал Марк, загибая пальцы. — Тридцать дней. Твоя рука срстет. За это время я буду твоим личным тренером. По технике дыхания. По актёрскому мастерству. По тому, как перестать бояться сцены. Мы будем заниматься тайно, в пустых залах после полуночи. Я научу тебя петь так, чтобы стены тряслись.

— Зачем? — я не могла понять логику. Этот человек уничтожил меня публично. Почему он теперь строит меня заново?

— Потому что финальный показ через месяц решит всё, — продолжил он, игнорируя мой вопрос. — Если ты выступишь идеально, я передам эту запись комиссии вместе с моим заключением. Ты получишь роль. Стипендию. Репутацию. Виктория будет посрамлена публично. Но если ты сорвешься... если покажешь хоть каплю своей прежней трусости...

Он наклонился ближе. Я почувствовала тепло его дыхания на своей щеке.

— ...я скажу всем, что ты симулируешь травму. Что ты инсценировала падение ради внимания. Эта запись станет не оправданием, а уликой против тебя. Ты будешь исключена навсегда. Без права апелляции.

Впервые за долгое время я почувствовала что-то кроме страха. Азарт. Горячая, искрящая волна гнева смешалась с надеждой. Он давил на мою самую большую боль — страх остаться никем. Страх быть забытой. И предлагал шанс выгрызть своё место зубами.

— Ты хочешь использовать меня, — сказала я. Это было утверждение, а не вопрос.

— Все хотят чего-то, — пожал плечами Марк. — Я хочу увидеть, сможет ли «пустая оболочка» наполниться смыслом. Тебе нечего терять, Алиса. Кроме статуса жертвы. Согласна?

Я смотрела на него. На его идеальную челюсть, на циничный блеск в глазах. Внутри все кричало: «нет», беги, спрячься, соглашайся на жалость Дениса. Но тело помнило вкус унижения на прослушивании. Помнило звук падения. Помнило, каково это — быть ничем.

— Есть условия, — произнесла я. Голос стал тверже. — Никаких прикосновений. Никаких личных разговоров. Только работа. Если ты перейдешь черту — я пойду к декану и расскажу всё сама. Даже если меня выгонят.

Марк усмехнулся. Широко, обнажая белые зубы. Ему нравилось это сопротивление. Ему нравилось, что жертва пытается стать бойцом.

— Принято, — кивнул он. — Но есть мое условие. Если ты сорвешь занятие без причины — я использую запись. Немедленно. Без предупреждений.

Я сжала зубы. Клетка закрылась. Ключ был у него в кармане. Но впервые за три дня я увидела в этой клетке окно.

— Хорошо, — сказала я.

Глава 5

Марк встал, забрал флешку с тумбочки и сунул в карман. Его движение было быстрым, почти агрессивным. Он даже не оглянулся. В этот момент его шарф — серый кашемир, дорогой и мягкий — соскользнул с шеи и упал у моего одеяла.

Я увидела в зеркальной дверце шкафа его открытую шею: бледную линию рубца и следы грубого хирургического шва от уха к ключице. Марк поправил воротник и направился к двери.

Он не заметил. Хлопнул дверью, оставляя меня в тишине.

Я долго смотрела на дверь. Потом перевела взгляд на шарф. Медленно, преодолевая боль в спине, я потянулась здоровой рукой. Пальцы коснулись ткани. Она была теплой. От него.

Поднимая шарф, я снова вспомнила рубец. Он прятал его под воротником и дорогой тканью так же тщательно, как я прятала дрожь перед выходом на сцену. Мне хотелось вернуть шарф и спросить прямо. Но дверь уже закрылась.

У сына декана, звезды академии, человека, который смеялся над моими ошибками, была медицинская история. Серьезная. Видимая только тогда, когда он терял контроль или забывал о маске.

Почему? Что случилось с его голосом? Или с его телом? Этот образ перевернул всё. Он не просто богатый мальчик-тиран. Он сломан. И он собирается починить меня, потому что сам боится собственной неполноценности.

Я легла обратно на подушку, сжимая шарф в кулаке. Запах дерева и мяты проникал в легкие.

В голове билась одна мысль, четкая, как набат: он не спасает меня. Он использует меня, чтобы заполнить дыру в себе. И самое страшное — мне нужно было узнать, какая именно дыра у него внутри. Прежде чем он убьет меня, я убью его секреты.

Мой гипс весил как свинцовая плита, прибитая к предплечью. Но настоящую тяжесть чувствовала не рука — она давила на грудь, сжимая лёгкие в тугой кулак. На следующий день после выписки мы шли по коридору второго этажа, туда, где пахло старой краской и чужим презрением. Марк шёл слева, идеально прямой, будто его позвоночник выковали из стали, а я волочилась справа, шаркая стопой о линолеум.

Студенты расступались, но их глаза оставались приклеенными ко мне. Шепотки вспарывали тишину: «Сломанная», «Никчёмность», «Марк опять играет в куклы». Моё тело самопроизвольно сжалось, превращаясь в ком. Я хотела остановиться, спрятаться за дверь туалета, исчезнуть.

— Не останавливайся, — голос Марка был тихим, но резким, как скальпель.

Я замерла. Пальцы заныли от холода, который пробирал сквозь ткань куртки. Он не посмотрел на меня. Просто перехватил мою здоровую руку своей ладонью — грубо, без права на выбор — и потянул вперёд. Его пальцы были горячими и сухими.

— Мир уже решил, что ты мёртвая, Алиса, — бросил он, даже не сбавляя шага. — Только движение доказывает обратное. Хватит жалеть себя, это скучно.

Мы ворвались в репетиционный зал №3. Дверь хлопнула, отсекая шум внешнего мира. Здесь было пусто и гулко. Зеркала вдоль стен отражали наши силуэты: высокий, доминирующий мужской профиль и маленькую, сутулую фигурку девушки с гипсом.

Марк подошёл к пульту, щёлкнул тумблером. Из колонок полился звук. Сначала — скрип стульев жюри, потом мой собственный голос. Тот самый день прослушивания. Я слышала, как вместо первой ноты вырывается хрип, как срывается дыхание, как моё имя произносят с жалостью. Это было невыносимо. Живой стыд обжигал уши лучше любого огня.

— Спой это сейчас, — приказал он, не глядя на пульт, пока запись продолжала крутиться. — Глядя мне в глаза.

Я открыла рот, чтобы ответить, но вместо слов вырвался сдавленный всхлип. Комок гордости и унижения застрял в горле. Слезы покатались сами собой, горячие и солёные, размывая отражение в зеркале. Я плакала от бессилия, от того, что этот человек заставляет меня переживать свой худший момент снова и снова.

Запись оборвалась. Тишина стала оглушающей.

— Плачешь? — спросил Марк. В его тоне не было сочувствия, только холодный интерес исследователя. — Хорошо. Теперь используй эту соль как специю для ноты. Боль делает звук объёмным. Давай ещё раз.

Он не давал передышки. Я попыталась взять высокую ноту из арии, которую мы разбирали до падения. Голос прорезал воздух чисто, мощно, но на пике в рёбрах вспыхнула белая вспышка боли. Последствие падения — ушиб грудной клетки, о котором предупреждал врач. Ноги подкосились. Я рухнула на колени, хватаясь рукой за грудь, задыхаясь.

Надо мной выросла тень. Марк стоял вплотную, нависая. Я ждала помощи, ждала, что он протянет руку. Вместо этого он поставил ногу рядом с моим коленом, создавая барьер.

— Встань, — сказал он тихо. — Или уходи навсегда. Если ты сломаешься от одной ноты, тебе нет места на сцене.

Я подняла голову. В его глазах не было злобы. Там была проверка. Холодная, жесткая, но честная. Он хотел увидеть, есть ли во мне хоть капля стали. Медленно, опираясь здоровой рукой о стену, я встала. Колени дрожали, но я выпрямила спину. Посмотрела ему прямо в лицо. Вызов заменил страх.

В этот момент дверь скрипнула.

Денис. Он стоял в проёме с термосом и пакетом перевязочных материалов. Его лицо выражало тревогу, когда он увидел меня у стены, бледную, с влажными глазами.

— Марк, хватит, — Денис шагнул внутрь, игнорируя хозяина зала. — Ты её добиваешь. Алиса, давай к нам. Дома безопасно. Чай, одеяло, никаких этих твоих пыток.

Марк не повысил голос. Он даже не повернулся к Денису полностью.

— Ты лечишь симптомы, Денис. Рану. А я лечу болезнь. Страх.

— Она не должна страдать ради амбиций!

— Она хочет жить, — отрезал Марк, наконец посмотрев на друга. — А ты хочешь, чтобы она была целой и мёртвой внутри. Выбирай, что ей нужно больше.

Денис замешкался. Он посмотрел на меня. Я взяла термос из его рук, но не сделала ни шага к выходу.

— Спасибо, Денис. Но я останусь.

Это было первое моё «нет» безопасности. И первое «да» опасности. Денис вздохнул, развернулся и ушёл, хлопнув дверью мягче, чем Марк.

Но тишины не наступило. Через десять минут дверь распахнулась снова. Виктория. Она вошла, будто в собственную гостиную, поправляя идеальные локоны. Её взгляд скользнул по мне, оценивающе, с ноткой отвращения.

— О, работа идёт полным ходом? — её голос звенел фальшивой заботой. — Ты выглядишь... слишком бодрой для той, кто сломал себе жизнь по собственной неаккуратности. Может, стоит перестать изображать жертву?

Она подошла ближе, её духи душили. Я сжала зубы, готовясь к ответу, но Марк опередил меня. Он не кричал. Он говорил так, словно читал меню в ресторане.

— Она работает над ролью, которую ты никогда не получишь, Виктория. Потому что у тебя нет глубины. Есть только картинка. А картинку можно нарисовать любой. А вот душу — нет.

Виктория побледнела. Не от злости. От удара по самому больному месту — по её уверенности в исключительности. Она открыла рот, чтобы съязвить, но слова застряли. Марк просто

смотрел на неё, и в этом взгляде было полное отсутствие интереса. Для него она была фоном. Алисой же он занимался.

Виктория развернулась и вышла, хлопнув дверью так, что задрожали зеркала. Но я видела, как дрогнули её руки. Фундамент её власти дал первую трещину.

Марк отвернулся к окну. Свет заката падал на его профиль, очерчивая скулы.

— Ещё раз, — сказал он. — Та нота, которая сорвалась.

Он стоял спиной ко мне — ни давления глаз, ни контроля, просто слушал. Я закрыла глаза, вспоминая вкус соли на губах, холод пола, жар его пальцев на моей здоровой руке. Я набрала воздуха. Лёгкие горели, но я не боялась боли. Я использовала её.

Голос вырвался. Чистый, мощный, пронзающий тишину зала. На последнем такте я почувствовала, как мир вокруг становится прозрачным. Нота держалась, летела, не гасла. Когда я открыла глаза, Марк обернулся.

В его лице не было торжества. Не было удовлетворения учителя, получившего результат. Была странная, почти болезненная нежность. И что-то другое. Голод.

— Это было чисто, — произнес он хрипло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.